

КОЛЛЕКТИВНЫЕ ХОЗЯЙСТВА В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1918–1920 гг.

В.А. Дубовицкий

*ГОУ ВПО «Тамбовский государственный технический
университет», г. Тамбов*

Рецензент д-р ист. наук, профессор С.А. Есиков

Ключевые слова и фразы: артель; крестьянское хозяйство; коммуна; организация труда; совхоз.

Аннотация: Рассмотрены вопросы организации и деятельности первых колхозов в Тамбовской губернии; проблемы организации труда в них; взаимоотношения с окружающим крестьянским населением.

Важной составной частью аграрной политики большевиков было создание коллективных хозяйств. Эту политику они стали реализовывать с 1918 г. Коммунам, артелям, обществам с общественной обработкой земли, а несколько позже и совхозам создавались лучшие условия по сравнению с единоличными хозяйствами.

В Тамбовской губернии уже в начале 1918 г. насчитывалось 10 коммун, а летом того же года – 25 коммун и артелей. На II Тамбовской уездной конференции РКП(б) подчеркивалась необходимость «привлечь все силы партийных работников в деревне к самой энергичной деятельности и пропаганде среди всей крестьянской массы идей общественной обработки земли, организации земледельческих артелей и коммун» [1, с. 85].

Кроме призывов и агитации для развития нового общественного уклада Советской властью оказывалась деревне и более существенная помощь: при распределении земли коммунам и артелям безвозмездно предоставляли инвентарь, размещали их в бывших имениях и монастырях, имевших высокую культуру земледелия. Как отмечалось в инструкции по отводу луговых угодий на 1919 г. в пользование для учреждений советских предприятий и сельскохозяйственных объединений, именно они в первую очередь удовлетворялись потребностями в лугах, паровой земле, пашне и лесе [2, Ф. Р.-946. Оп. 1. Д. 1057. Л. 16об.].

Однако коммуны, несмотря на значительную поддержку со стороны властей, самостоятельно существовать не могли. Причины крылись в

Дубовицкий Виталий Алексеевич – аспирант кафедры «История и философия», e-mail: hist@nnt.tstu.ru, ТамбГТУ, г. Тамбов.

принципах их организации. 21 июля 1918 г. был опубликован утвержденный Наркомземом «Примерный устав трудовой земельной коммуны», в соответствии с которым писались уставы всех коммун. В уставе Ломовской трудовой сельскохозяйственной коммуны Кирсановского уезда отмечалось: «... все принадлежит всем, и никто в коммуне не может ничего назвать своим, каждый в коммуне трудится по своим силам и получает по своим нуждам, работа в коммуне ведется сообща (коллективно), в коммуне за труд вознаграждение никому не платится, излишки продуктов за получением всех потребностей коммун собираются в общее хранилище под ответственным контролем коммун, для сдачи таковых в кооперативы или продовольственные отделы по твердым уравнивающим ценам..., коммуна не может пользоваться наемным трудом, за исключением специалистов» [2, Ф. Р.-946. Оп. 1. Д. 415. Л. 23].

Как видим, устав коммуны совершенно не учитывал принцип личной заинтересованности в результатах труда, что противоречило психологии крестьян. Возникнув на таких принципах, коммуны не могли утвердиться в качестве жизнеспособной формы хозяйства. Кроме того, в уставе Ломовской коммуны указывалось, что работа должна проходить 6 дней в неделю, кроме воскресенья; рабочий день – не более 8 часов [2, Ф. Р.-946. Оп. 1. Д. 415. Л. 23об.]. Такой распорядок противоречил ритму сельскохозяйственных работ и не соответствовал природно-климатическим условиям центра России.

Артели больше отвечали интересам крестьян, так как в них отчасти учитывался принцип материальной заинтересованности. Здесь продукты получали по труду. Но и в артелях было много безразличия и безынициативности со стороны работников. Весной 1920 г. уполномоченным были осмотрены сады, сданные артелям в Козловском уезде. По его словам, «сразу видно, что хозяин этих садов работает по принципу: нам не огород городить, а разговаривать ходить» [2, Ф. Р.-956. Оп.1. Л. 134. Л. 52]. Та же картина наблюдалась в «Казанской коммуне» Моршанского уезда. В октябре 1919 г. отмечалось, что в ней от халатного отношения к работе хозяйство пришло в полный упадок – с сентября по ноябрь 1918 г. здесь пало 6 лошадей и 20 кур [2, Ф. Р.-959. Оп. 2. Д. 294. Л. 42об.].

Несколько позднее начали создаваться совхозы. В соответствии с декретом СНК от 1 октября 1918 г. о переходе имений, сельскохозяйственных предприятий и участков земли общегосударственного значения в ведение Наркомата земледелия. К таковым относились хозяйства, имевшие учебно-показательное и культурно-просветительное значение (опытные поля, участки опытных станций т.д.), имения с ценными многолетними культурами (сады, питомники и т.д.), и ряд других.

Статистика урожайности свидетельствовала о более эффективной работе в сравнении с единоличными хозяйствами. Так, если в Козловском уезде по данным 1920 г. крестьянские хозяйства собирали с десятины 55 пудов ржи, 45 пудов овса и 600 пудов картофеля, то в совхозах соответственно 75–80 пудов ржи, 68 пудов овса и 800 пудов картофеля [2, Ф. Р.-956. Оп. 1. Д. 134. Л. 66]. По всей видимости, столь высокие показатели были обусловлены своеобразной преемственностью в работе ряда высокоэффективных хозяйств, сохранившихся после революции, например таких,

как совхозы «Пашино» и «Троекуровский» Козловского уезда. В феврале 1920 г. в отчете об обследовании этих хозяйств указывалось, что именно благодаря этим бывшим образцовым имениям «совхозы демонстрировали преимущества крупного производства по сравнению с единоличными крестьянскими хозяйствами» [2, Ф. Р.-956. Оп. 1. Д. 134. Л. 1], усредненными и измельченными после социализации земли.

Однако в большинстве совхозов, как отмечалось на I губернском съезде представителей рабочих комитетов совхозов (октябрь 1919 г.), «положение было плачевным», ощущалось «сильное недовольство рабочих и местного населения», в «некоторых хозяйствах сама же администрация не соответствовала своему назначению: выдавала продукты на сторону, пьянствовала, спекулировала» [2, Ф. Р.-956. Оп. 1. Д. 1315. Л. 6об.]. В совхозах столкнулись с теми же морально-психологическими проблемами, что и в коммунах, прежде всего, с безразличием работников к результатам своего труда. В совхозе «Успенское», как видно из ведомости учета хозяйства за 21–28 июля 1920 г., должны были пахать пар, но «вследствие дождя запахали только одну десятину». В течение этой недели работники основную массу времени уделили не работе в поле, а охране садов и скота [2, Ф. Р.-956. Оп. 1. Д. 134. Л. 26].

Все эти факты не способствовали развитию коллективных хозяйств. Крестьянин не видел практического смысла вступать в них. И лишь в случае, когда вся община под давлением властей оказывалась вынужденной вступать в колхоз, ему приходилось на время мириться с новыми порядками. Однако крестьяне старались уклониться от коллективизации всеми способами. Так, в марте 1920 г. в Козловском уезде отмечалось, что «не удалось создать коллективы «Просвещение крестьянства» и «Крестьянский труд» из-за сопротивления общества» [2, Ф. Р.-956. Оп. 1. Д. 134. Л. 58об.].

Крестьяне, проживавшие по соседству с коллективными хозяйствами, воспринимали их вполне дружелюбно, если совхоз имел, например, кузницу и помогал им, но отрицательно, если от них требовали подводы и лошадей для запашки и людей для работы [2, Ф. Р.-956. Оп. 1. Д. 134. Л. 58об.]. Так, к совхозу «Александровское» Козловского уезда, отмечалось в октябре 1919 г., местное население относилось недоброжелательно, так как совхоз отказывал в услугах населению [2, Ф. Р.-946. Оп. 1. Д. 1315. Л. 19об.].

Рассмотрим смету расходов, составленную весной 1918 г. Моршанским уездным земельным отделом для 10 совхозов, каждый из которых имел по 400 десятин земельных угодий [2, Ф. Р.-959. Оп. 1. Д. 315. Л. 3-5об.]. Располагались все они на месте бывших помещичьих имений. Всего выделялось на них на 1918–1919 г. 375 117 р. Из них 26 500 р. (7,1 %) шло на содержание администрации, 84 960 р. (22,6 %) – на жалованье постоянным работникам, 65 325 р. (17,4 %) – на найм рабочих для вспашки, посева, уборки и молотбы, то есть 47,1 % шло на заработную плату. Кроме того, 21 000 р. (5,6 %) планировалось потратить на ремонт, восстановление и частичное возведение строений. Эти траты предполагались не на хозяйственные постройки, а на жилье для работников совхозов. Остальные средства должны были потратиться следующим образом: содер-

жание лошадей – 47512 р. (12,7 %), приобретение живого и мертвого инвентаря – 49870 р. (13,3 %), приобретение семян и удобрений – 79950 р. (21,3 %). Как видим непроизводственные расходы составляли более половины всех средств.

О катастрофических результатах хозяйственной деятельности совхозов в 1918–1920 гг. в Тамбовской губернии говорилось в информации представителя тамбовской организации эсеров (предположительно Ю.Н. Подбельского) в ЦК ПСР, в которой цитировалось заявление председателя губернского совета работников земли и леса Смоленского: «Совхозы Тамбовской губернии не только не оправдали в 1919 г. возлагавшихся надежд, но уже сейчас предъявили к губпродкому требование на доставку продовольственных и семенных хлебов в общей сложности в объеме 2 миллионов пудов» [3]. «Советские хозяйства потерпели крах, – отмечал председатель губкома РКП(б) Н.М. Немцов, – в 1919–1920 гг. пролетарски-крестьянское хозяйничанье в совхозах оказалось безобразным, хлеб или остался необранным, под снегом, или, убранный, сгнил» [3, с. 140–141]. Как видим, после того, как земли бывших помещичьих хозяйств отошли к совхозам, последние оказались не способными ее обрабатывать. Большая часть пашни оказалась незасеянной, а возделанная земля зачастую обрабатывалась крестьянами из соседних селений, но не работниками коллективных хозяйств. Так, в Александровском совхозе в 1919 г. из 820 десятин пашни было засеяно лишь 140 силами окрестных крестьян. Такая же картина наблюдалась в Плавицком совхозе Липецкого уезда. В Зиновьевском совхозе Усманского уезда осенью 1919 г. из 1500 десятин засеяли только 22. За посевами в большинстве случаев в совхозах не ухаживали, поэтому урожай 1919 г. оказался намного ниже, чем в единоличных хозяйствах [3, с. 140–141].

Для простого воспроизводства в хозяйствах, организованных советской властью, не хватало семян, лошадей. И в этом была вина самих работников коллективных хозяйств. По данным того же доклада тамбовских эсеров, из 5300 рабочих лошадей, необходимых для работы в совхозах, в наличии имелось лишь 900 голов (17 %), большинство из которых были заражены чесоткой и истощены [3, с. 140–141].

Предложенные властями формы ведения сельского хозяйства были отвергнуты крестьянством не потому, что им была чужда сама идея коллективного труда, им претила организация труда в них, а точнее ее полное отсутствие. Кроме того, местные власти не стеснялись использовать коллективный труд в собственных целях. Как отмечалось в отчете Козловского уездного земельного отдела летом 1920 г., «коллективы, предоставленные сами себе, на местах попадают под нападки властей» и они, например, исполняют транспортные повинности [2, Ф. Р.-956. Оп.1 Д. 134. Л. 77].

Список литературы

1. Кузнецов, А.А. Аграрные реформы в России XX столетия (на примере Тамбовской области) / А.А. Кузнецов, И.В. Давыдова. – Мичуринск : Изд-во Мичур. гос. аграр. ун-та, 2004. – 264 с.

2. Государственный архив Тамбовской области.
3. «Антоновщина». Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920–1921 гг. : док., материалы, воспоминания / Гос. архив Тамб. обл. [и др.]. – Тамбов, 2007. – 800 с.
-

Collective Farms in Tambov Province in 1918–1920

V.A. Dubovitsky

Tambov State Technical University, Tambov

Key words and phrases: collective farm; commune; farm; organization of labor; peasant farming.

Abstract: The paper deals with the problems of organization and operation of the first collective farms in Tambov province, the problem of organizing labor in them, relationships with the peasant population.

© В.А. Дубовицкий, 2011